

Дэвид Грэбер и Андрей Грубачич о Кропоткине и взаимопомощи

Андрей Грубачич, Дэвид Грэбер

Иногда — не слишком часто — особенно убедительный аргумент против доминирующего понимания политического здравого смысла так шокирует систему, что требует для его опровержения создания целого корпуса теории. Такие интервенции сами по себе являются событиями, в философском смысле; то есть они раскрывают те аспекты реальности, которые были в значительной степени невидимы, но, однажды раскрывшись, кажутся настолько очевидными, что более не могут оставаться незаметными. Большая часть работ правых интеллектуалов связана с поиском ответов на подобные вызовы.

Приведём три примера.

В 1680-х годах государственный деятель Хьюрон-Вендат по имени Кондиаронк, побывавший в Европе, и близко знакомый с обществами французских и английских поселенцев, участвовал в серии дебатов с французским губернатором Квебека и одним из его главных помощников, неким Лаонтеном. В ходе дебатов он выдвинул аргумент о том, что карательное право и весь государственный аппарат существуют не из-за какого-то фундаментального недостатка человеческой природы, а из-за существования еще одного набора институтов — частной собственности, денег, — которые по своей природе побуждают людей действовать таким образом, что принудительные меры становятся необходимы. Равенство, по его мнению, является, таким образом, условием любой значимой свободы. Позднее эти дебаты превратились в книгу Лаонтена, которая в первые десятилетия восемнадцатого века пользовалась огромным успехом. Она стала пьесой, которая в течение двадцати лет шла на сценах Парижа, и едва ли не каждый мыслитель эпохи Просвещения стремился написать произведение, подражая ей. В конце концов, эти аргументы — и более широкая аборигенная критика французского общества — были настолько сильны, что защитникам существующего социального порядка, таким как Тюрго и Адам Смит, фактически, пришлось изобретать понятие социальной эволюции в качестве прямого ответа на эту критику. Те, кто впервые выдвинул аргумент о том, что человеческое общество может быть организовано в соответствии с этапами развития, каждый из которых имеет свои характерные технологии и формы организации, были совершенно откоро-

венны в этом вопросе. «Все любят свободу и равенство», — замечает Тюрго, вопрос в том, насколько то и другое совместимо с развитым коммерческим обществом, основанным на сложном разделении труда. Возникшие в итоге теории социальной эволюции доминировали в девятнадцатом веке и имеют значительное влияние до сих пор, хоть и в слегка измененной форме.

В конце XIX — начале XX века анархистская критика либерального государства, гласящая, что верховенство закона, в конечном счете, основано на произвольном насилии, и является просто секуляризированной версией всемогущего Бога, способного создавать нравственность, потому что он находится за его пределами, была настолько серьезно воспринята защитниками государства, что правые теоретики права, такие как Карл Шмитт, в конце концов, придумали интеллектуальную основу фашизма. Шмитт заканчивает свое самое известное сочинение «Политическая теология» разглагольствованиями, направленными против Бакунина, чей отказ от «децизионизма» — произвола в создании правового порядка, а, следовательно, и от самого этого порядка — был в конечном счете, по его утверждению, столь же произволен, как и власть, которой Бакунин противопоставлял себя. Сама концепция политической теологии Шмитта, лежащая в основе почти всей современной правой мысли, была попыткой ответить на тезисы Бакунина о Боге и Государстве.

Вызов, брошенный Кропоткиным во «Взаимопомощи как факторе эволюции», вероятно, еще более важен, поскольку речь идет не только о природе власти, но и о природе как таковой.

Теории социальной эволюции, то, что Тюрго впервые охарактеризовал как «прогресс», возможно, возникли как способ ослабить локальную критику, но вскоре стали принимать более нетерпимую форму, так как такие ортодоксальные либералы, как Герберт Спенсер, стали представлять социальную эволюцию не только как вопрос возрастающей сложности, дифференциации и интеграции, но и как своего рода гоббсовскую борьбу за выживание. Фраза «выживание сильнейших» была фактически придумана Спенсером в 1852 г. для описания человеческой истории — и, в конечном счете, как предполагается, для оправдания европейского геноцида и колониализма. Она была использована Дарвином лишь около десяти лет спустя, когда в работе «Происхождение видов» он использовал ее как способ описания форм естественного отбора, которые он выявил во время своей знаменитой экспедиции на Галапагосские острова. В то время, когда писал Кропоткин, в 1880-х и 90-х годах идеи Дарвина были подхвачены рыночными либералами, наиболее известными из которых были «бульдог» Томас Хаксли и английский натуралист Альфред Рассел Уоллес, продвигавшие идеи, которые часто называют «гладиаторским взглядом» на естественную историю. Виды рассматривались как боксеры на ринге или торговцы облигациями на рынке; где сильные побеждают.

Ответ Кропоткина о том, что сотрудничество является столь же решающим фактором в естественном отборе, как и конкуренция, был не совсем оригинальным. Он никогда и не утверждал этого. На самом деле он опирался не только на наиболее достоверные биологические, антропологические, археологические и исторические знания, доступные в его время, включая собственные исследования Сибири, но и на альтернативную русскую школу эволюционной теории, которая считала, что английская гиперконкурентная школа основана, как он выразался, на «ткани абсурда», на

таких людей, как «Кесслер, Северцов, Мензбир, Брандт — четверо великих русских зоологов, и пятый меньший, Поляков, и, наконец, я сам, простой путешественник».

Тем не менее, мы должны отдать должное Кропоткину. Он был гораздо больше, чем просто путешественник. Во времена расцвета империи таких людей успешно игнорировали английские дарвинисты, да и вообще почти все остальные. Но Кропоткин попал в цель. Отчасти это было несомненно, потому что он представил свои научные открытия в более широком политическом контексте, в такой форме, которая не позволяла отрицать, в какой значительной степени господствующее понимание дарвиновской науки само по себе оказалось не только бессознательным отражением «само собой разумеющихся» либеральных категорий (как однажды сказал Маркс: «Анатомия человека — это ключ к анатомии обезьяны»). Это была попытка универсализировать взгляды коммерческих классов. Дарвинизм в то время все еще был сознательным, воинственным политическим вмешательством, направленным на изменение здравого смысла; можно сказать, что это было центристское восстание, а может быть, и более того, так как оно было направлено на создание нового центра. Это еще не было общепризнанным здравым смыслом; это была попытка создать новый универсальный здравый смысл. И если она, в конце концов, не стала полностью успешной, то в определенной степени благодаря чрезвычайно убедительной силе контраргумента Кропоткина.

Нетрудно понять, что так беспокоило этих либеральных интеллектуалов. Рассмотрим знаменитый отрывок из «Взаимопомощи», который действительно заслуживает того, чтобы его процитировать полностью:

«Не любовь, и даже не симпатия (понимаемые в истинном значении этих слов), побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг, с целью защиты от нападения волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты, точно также не любовь заставляет ягнят или котят предаваться играм, и не любовь сводит вместе осенние выводки птиц, которые проводят вместе целые дни и почти всю осень; и наконец нельзя приписать ни любви, ни личной симпатии то обстоятельство, что многие тысячи косуль, разбросанных по территории, пространством равняющейся Франции, собираются в десятки отдельных стад, которые все направляются к известному пункту, с целью переплыть там реку. Во всех этих случаях главную роль играет чувство, несравненно более широкое, чем любовь или личная симпатия, — здесь вступает в силу инстинкт общительности, который медленно развивался среди животных и людей в течение чрезвычайно долгого периода эволюции, с самых ранних ее стадий и который научил в равной степени животных и людей сознавать ту силу, которую они приобретают, практикуя взаимную помощь и поддержку, и те удовольствия, которые можно найти в общественной жизни... Человеческое общество зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном, — человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости

счастья каждой личности от счастья всех, и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам.»

И здесь красноречиво говорит за себя ядовитость реакции. По крайней мере, две области изучения (по общему признанию, пересекающиеся) – социобиологии и эволюционной психологии, были созданы с тех пор специально для того, чтобы согласовать точку зрения Кропоткина о сотрудничестве между животными с предположением о том, что все мы, в конечном счете, подвижны, как выразился Докинз, нашими «эгоистичными генами». И когда британский биолог Дж. Б. С. Халдейн заявляет, что готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти «двух братьев, четырех сводных братьев или восемь двоюродных братьев», он просто как попугай прибегает к тому виду «научного» исчисления, который был повсеместно введен, чтобы опровергнуть Кропоткина, точно так же, как был изобретен прогресс, чтобы опровергнуть Кондиаронка, или доктрина государства чрезвычайного состояния (*Ausnahmezustand* Шмитта), чтобы опровергнуть Бакунина. Фраза «эгоистичный ген» была выбрана не случайно. Кропоткин выявил в естественном мире поведение, которое было полной противоположностью эгоизма: вся игра дарвинистов теперь заключается в том, чтобы найти какую-то причину, любую причину, чтобы продолжать настаивать на том, что даже самое игривое, любящее, причудливое, героически жертвующее собой или общительное поведение в конце концов в действительности является эгоистичным.

Усилия правых интеллектуалов, направленные на решение масштабной задачи, поставленной теорией Кропоткина, вполне объяснимы. Как мы уже отметили ранее, это именно то, чем они и должны заниматься. Поэтому их и называют «реакционерами». Они на самом деле не верят в политическую креативность как в ценность, — фактически, они считают ее глубоко опасной. В результате, правые интеллектуалы в основном реагируют на идеи, выдвигаемые левыми. А как же левые интеллектуалы?

И здесь мы сталкиваемся с определенным конфузом. В то время как правые интеллектуалы стремились нейтрализовать эволюционный холистический взгляд Кропоткина, разрабатывая целые интеллектуальные системы, марксистские левые делали вид, что он вовсе не внес в теорию никакого значительного вклада. Можно даже рискнуть сказать, что марксистская реакция на акцент Кропоткина на кооперативном федерализме заключалась в дальнейшем развитии тех аспектов собственной теории Маркса, которые наиболее отчетливо расходились с теорией самого Кропоткина: то есть, в ее наиболее продуктивистских и прогрессивистских аспектах. Значительнейшие идеи из «Взаимопомощи» в лучшем случае игнорировались, в худшем — отбрасывались с высокомерными насмешками. В марксистской системе знаний и, как следствие, левой системе знаний в целом, настолько было принято посмеиваться над «социализмом спасательной шлюпки» и «наивной утопией» Кропоткина, что известный биолог Стивен Джей Гулд в известном эссе вынужден был настаивать на том, что «Кропоткин не был сумасшедшим».

Такой стратегической дисквалификации есть два возможных объяснения. Первая — это чистое сектантство. Как уже отмечалось, интеллектуальное вмешательство Кропоткина было частью более крупного политического проекта. В конце XIX — начале

XX века были заложены основы государства всеобщего благосостояния (welfare state), ключевые институты которого, действительно, в значительной степени создавались группами взаимопомощи, полностью независимыми от государства, затем постепенно инкорпорируемыми государствами и политическими партиями. Большинство представителей правой и левой интеллигенции прекрасно согласовывали свои действия в этом направлении: Бисмарк полностью признал, что создал немецкие учреждения социального обеспечения в качестве «взятки» рабочему классу, чтобы те не становились социалистами; социалисты настаивали на том, чтобы всем, начиная от социального страхования и заканчивая публичными библиотеками, управляли не создавшие их горизонтальные и синдикалистские группы, а вертикально управляющиеся авангардистские партии. В этом контексте и те, и другие рассматривали этические социалистические предложения Кропоткина по меньшей мере как шутовство. Стоит также вспомнить, что именно по этой причине в период между 1900 и 1917 годами анархистские и либертарные марксистские идеи были гораздо более популярны среди самого рабочего класса, чем марксизм Ленина и Каутского. Победа ленинского отделения большевистской партии в России (в то время считавшегося правым крылом большевиков), подавление Советов, Пролеткульта и других инициатив, выстроенных «снизу вверх», в самом Советском Союзе, наконец, положили конец этим дебатам.

Однако есть и другое возможное объяснение, связанное в большей степени с тем, что можно назвать «позиционностью» как традиционного марксизма, так и современной социальной теории. Какова роль радикального интеллектуала? Большинство интеллектуалов до сих пор утверждают, что они так или иначе радикальны. Теоретически все они согласны с Марксом в том, что недостаточно просто понять мир, суть в том, чтобы изменить его. Но что это должно означать на практике?

В одном из важных пунктов «Взаимопомощи» Кропоткин выдвигает предположение: роль радикального ученого состоит в том,

«чтобы восстановить то отношение, которое существовало между борьбой и единением, мы должны теперь приступить к мелочному анализу тысячи мелких фактов и бледных намеков, случайно сохранившихся в остатках прошлого, истолковать их с помощью сравнительной этнологии и – после того, как нам столько пришлось слышать о том, что разделяло людей, – восстановить камень за камнем те институты, которые служили делу их объединения.»

Один из авторов до сих пор помнит свое юношеское волнение после прочтения этих строк. Как это отличается от безжизненного обучения в национально-ориентированной академии! Эту рекомендацию следует читать вместе с рекомендацией Карла Маркса, вся энергия которого была направлена на понимание организации и развития капиталистического товарного производства. В «Капитале» кооперации уделяется внимание единственно с одной целью — изучение кооперативной деятельности как форм и последствий фабричного производства, где рабочие «просто формируют определенный способ существования капитала». Казалось бы, два проекта очень хорошо дополняют друг друга. Кропоткин стремился понять,

что именно потерял отчужденный рабочий. Но объединить их вместе означало бы понять, что даже капитализм, в конечном счете, основан на коммунизме («взаимопомощи»), даже если это коммунизм, который он не признает; что коммунизм — это не абстрактный, далекий идеал, который невозможно поддерживать, а живая практическая реальность, которой мы все занимаемся ежедневно, в разной степени, и что даже заводы не могли бы работать без него — даже если в большинстве случаев он действует запутанно, скрыто, с определенными смещениями, или неформально, или в том виде, о котором пока не было сказано, или абсолютно парадоксальным образом. В последнее время стало модно говорить, что капитализм вступил в новую фазу, при которой он стал паразитировать на формах творческого сотрудничества, в основном, в интернете. Это бессмыслица. Так было всегда.

Это достойный интеллектуальный проект. Почему-то почти никто не заинтересован в его реализации. Вместо того, чтобы изучить, как отношения иерархии и эксплуатации воспроизводятся, отвергаются и смешиваются с отношениями взаимопомощи, как отношения заботы постоянно сопутствуют отношениям насилия, но, тем не менее, удерживают вместе системы насилия, не позволяя им распасться, — как традиционный марксизм, так и современная социальная теория упрямо отвергают все, что намекает на щедрость, сотрудничество или альтруизм, как некую буржуазную иллюзию. Конфликт и эгоистические расчеты оказались более интересными, чем «союз» (подобно этому, довольно часто академические левые пишут о Карле Шмитте или Тюрго, в то время как найти тех, кто пишет о Бакунине и Кондиаронке, практически невозможно). Как жаловался сам Маркс, при капиталистическом режиме производства, когда существовать — значит накапливать, за последние несколько десятилетий мы не слышали ничего кроме неустанных оправданий циничных стратегий, используемых для увеличения соответствующего собственного (социального, культурного или материального) капитала. Они оформлены в виде критики. Но если все, о чем вы готовы говорить, это то, против чего вы якобы выступаете; если все, что вы можете себе представить, это то, против чего вы якобы выступаете, то в каком смысле вы на самом деле против этого выступаете? Иногда кажется, что академические левые в результате постепенно интернализируют и воспроизводят все наиболее тревожные аспекты неолиберального экономизма, против которых они вроде бы выступают, до такой степени, что, прочитав множество подобных анализов (мы будем милыми и не будем упоминать никаких имен), задаешься вопросом, сильно ли всё это на самом деле отличается от социобиологической гипотезы о том, что нашим поведением управляют «эгоистичные гены»!

Правда, такая интернационализация врага достигла своего расцвета в 1980-е и 90-е годы, когда глобальные левые были полностью подавлены. Атмосфера поменялась. Актуален ли Кропоткин снова? К конечно, Кропоткин всегда был актуален, но эта книга была выпущена в свет с убеждением, что есть новое, радикализованное поколение, многие из которых никогда не подвергались влиянию подобных идей прямо, но подают все признаки того, что способны дать глобальной ситуации более четкую оценку, чем их родители, бабушки и дедушки, хотя бы потому, что знают, что если они этого не сделают, то мир, который их ждет, вскоре превратится в абсолютно адский пейзаж.

Это уже начинает происходить. Политическая значимость идей, впервые озвученных во «Взаимопомощи», вновь открывается новым поколениям общественных движений по всей планете. Продолжающаяся социальная революция в Демократической Федерации Северо-Восточной Сирии (Рожава) оказалась под сильным влиянием трудов Кропоткина о социальной экологии и кооперативном федерализме, отчасти благодаря работам Мюррея Букчина, отчасти благодаря оригинальному источнику, отчасти (в существенной степени) благодаря собственно курдским традициям и революционному опыту. Курдские революционеры взяли на себя задачу построения новой социальной науки, антагонистичной по отношению к структурам знаний капиталистического модерна. Вовлеченные в коллективные проекты социологии свободы и джинеологии, они действительно начали «камень за камнем те институты, которые служили делу... объединения» людей и разных видов борьбы. На Глобальном Севере, повсюду, начиная от различных оккупационных движений и заканчивая проектами солидарности, противостоящими пандемии Covid-19, взаимная помощь стала ключевой фразой, используемой как активистами, так и мейнстримными журналистами. В настоящее время взаимная помощь используется в процессе мобилизации солидарности с мигрантами в Греции и в организации сапатистского общества в Чьяпасе. Ходят слухи, что даже ученые иногда пользуются ею.

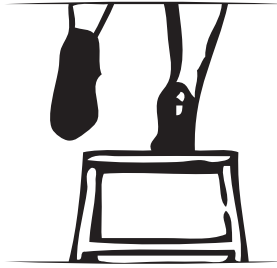
Когда «Взаимопомощь» была впервые издана в 1902 году, мало кто из ученых был достаточно смел, чтобы бросить вызов идее о том, что капитализм и национализм укоренились в человеческой природе или что авторитет государств в конечном счете нерушим. Большинство из них, разумеется, были записаны в ряды сумасшедших, или, если они были, как Альберт Эйнштейн, столь очевидно важны для подобного рода дисквалификации, объявлялись «эксцентриками», чьи политические взгляды имели примерно такое же значение, как и их необычные прически. Остальной мир, однако, движется вперед. Будут ли ученые — даже, возможно, социологи — в конечном счете становиться его последователями?

Мы пишем это введение во время волны глобального народного восстания против расизма и насилия со стороны государства, в то время, как государственная власть выливает на «анархистов» яд, подобно тому, как она это делала во времена Кропоткина. Этот момент кажется особенно подходящим для того, чтобы поднять бокал за этого старого «попирателя закона и частной собственности», который так изменил лицо науки, что это продолжает влиять на нас и сегодня. Система знаний Петра Кропоткина была аккуратной и красочной, пронизательной и революционной. Она также необычайно красиво состарилась. Кропоткинский отказ как от капитализма, так и от бюрократического социализма, его предсказания, куда последний может привести, оправдывались снова и снова. Оглядываясь назад на большинство тезисов, выдвигаемых в его дни, нет никакого сомнения в том, кто на самом деле был прав.

Очевидно, что есть еще те, кто готов яростно спорить по этому поводу. Некоторые еще мечтают прыгнуть в вагон давно ушедшего поезда. Другим хорошо платят за то, чтобы они думали о том, о чем они думают. Что касается авторов этого скромного вступления, то спустя много десятилетий после первого знакомства с этой восхитительной книгой, мы вновь удивляемся тому, насколько глубоко мы согласны с ее центральным тезисом. Единственной жизнеспособной альтернативой капиталистическому варварству является безгосударственный социализм, продукт, как не

переставал напоминать нам великий географ, «тенденций, которые проявляются сейчас в обществе» и которые «всегда, в каком-то смысле, были присущи настоящему». Чтобы создать новый мир, мы можем начать с того, что заново откроем для себя то, что есть, и что всегда было прямо у нас перед глазами.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Андрей Грубачич, Дэвид Грэбер
Дэвид Грэбер и Андрей Грубачич о Кропоткине и взаимопомощи

Скопировано 2020-11-19 с <https://akrateia.info/devid-greber-i-andrei-grubachich-o-kropotkine-i-vzaimopomoshchi/>

ru.theanarchistlibrary.org